

ФРАГМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

О.А. Оберемко

В качестве операционного средства по смягчению нормативной логики при диагностике неэффективности институциональных взаимоотношений предлагается фиксировать воспроизводство такой *фрагментации ответственности* между основными участвующими агентами, которая приводит к *коммуникативно-деятельным разрывам*, препятствующим достигать во взаимодействии институционально одобряемых целей. На материале интервью, взятых в феврале-апреле 2008 года у экспертов, работающих в сфере попечения социальных сирот в Краснодарском крае, показано, что в зонах риска социального сиротства фиксируются *коммуникативно-деятельные разрывы* и в сфере публичных, и сфере частных взаимоотношений.

Ключевые слова: социальное сиротство, фрагментация ответственности, коммуникативно-деятельные разрывы

Введение

В различных перспективах теории личностного развития — этологических, когнитивистских, психоаналитических, культурно-исторических [Крэйн, 2002] — безнадзорность ребенка трактуется как депривация либо в иных, сходных по смыслу терминах. Речь везде идет о содержательной бедности взаимодействия ребенка с окружением, которая

Статья подготовлена по материалам исследования факторов социального сиротства и механизмов его профилактики в регионах РФ, выполненная совместно АНО «Независимый институт социальной политики», АНО «Центр социальной политики и гендерных исследований» и Томским государственным университетом по заказу и при финансовой поддержке детского фонда «Виктория».

не предоставляет необходимых ресурсов для продуктивного преодоления кризисов роста. Все теоретические перспективы развития подразумевают нормативную логику: только допуская, хотя бы мысленно, некий норматив, можно говорить о депривации в ресурсах, необходимых для усвоения образцов социальных отношений, без которого развитие личности не мыслится полноценным.

Функционалистская традиция распространяет нормативную логику на аналитически выделяемые уровни социальной организации, что позволяет различать разные источники депривации, возникающие, например, вследствие: а) нарушений в функционировании социальной системы; б) социализирующих социальных институтов, в данном случае, прежде всего, институтов детского воспитания и обучения; в) особенностей физического, психического, интеллектуального развития ребенка [Социальный... 1997. С. 229].

Первые два фактора определяются как дисфункции на макро- и мезосоциальном уровнях, что подразумевает практическую возможность восстановить «нормальное функционирование», привести социальные системы к «норме». Однако собственно норме в этой логике можно дать только негативно-тавтологическое определение: сбои в социализации свидетельствуют о дисфункции, а о нормальном функционировании можно судить лишь по отсутствию сбоев. Политкорректная формулировка третьей группы факторов по существу не преодолевает формально-нормативного подхода, поскольку «особенности», как и дисфункции, устанавливаются относительно конвенционально принимаемой нормы.

Аналитическое выделение четырех функциональных уровней позволяет различать четыре источника депривации, например, общесистемные (макросоциальные), институциональные, микросоциальные и индивидуальные. Идея о том, что «более внешний по отношению к индивиду уровень создает фон и предпосылки для депривации на вложенных внутренних уровнях» [Астоянц, 2004], делает очевидным следование той же самой логике функционализма. Сходной трактовки придерживается Л.А. Журавлева [Журавлева, 2000], которая полагает факторы макроуровня источником воздействия на микросоциальную среду.

Нормативный подход на практике может быть продуктивным в периоды стабильного развития социальных систем, однако в периоды, которые осмысливаются как кризисные, нестабильные и трансформационные, нормативный подход теряет свою значимость и в практике научного осмысления, и в практике социального управления.

Отойти от предзаданного нормативизма позволяет творческое переосмысление четырехуровневой модели. Если признать, что взаимодействия микросоциального уровня разворачиваются на фоне не до-

ступных (например, социальному работнику) оперативному изменению макросоциальных, институциональных и индивидуальных факторов¹, то мы получим контуры модели, пригодной для социального управления в периоды общественных кризисов. Продуктивность подобного подхода прочитывается в работах, в которых существенное место уделяется анализу материалов, собранных в русле качественной методологии [Астоянц, 2007; Ловцова, 2005; Ослон, 2006].

Данные, собранные в ходе исследования факторов социального сиротства и механизмов его профилактики, позволяют обнаруживать фрагментацию ответственности агентов, действующих как в публичных, так и в частных институциональных средах. Эта фрагментация проявляется разнообразных формах коммуникативно-деятельных разрывов.

Под коммуникативно-деятельными разрывами мы понимаем следствия такой фрагментации ответственности и отправляемых функций, которая препятствуют удовлетворению институционально признанных интересов участников взаимодействия. От нормативизма полностью освободиться не удастся, однако при фокусировании на коммуникативно-деятельных разрывах роль предзаданной нормы в анализе играет институционально признанная результативность взаимодействия.

Коммуникативно-деятельные разрывы в публичных институциональных средах

В соответствии с принципами камерализма² и современными версиями теории бюрократии [Масловский, 1997], неперенным условием эффективности бюрократической организации являются фрагментация ответственности и жесткий вертикально нисходящий контроль отправляемых функций (операций). Обратная сторона этой эффективности — порождение коммуникативно-деятельных разрывов, негативное влияние которых проявляется при управлении сложными открытыми системами.

Искомый результат не достигается либо потому, что участники взаимодействия не имеют или не воспринимают нужную для достижения успеха информацию (коммуникативный аспект), либо потому, что в ответ на воспринятую информацию институциональные правила не предусматривают типовых способов результативного поведения (дея-

¹ К таковым авторы, в частности, готовы относить «состояние здоровья» ребенка или «специфические особенности его жизненного пути», например, инвалидность [Факторы... 2008. С. 14].

² Камерализм — учение о бюрократическом управлении, получившее распространение в Европе с XVI—XVII вв. [Tribe, 1984; Wakefield, 2009].

тельный аспект). В результате возникающих коммуникативно-деятельных разрывов снижается эффективность взаимодействия (или даже их не происходит вообще) и общая управляемость ситуацией.

Разрывы в межведомственном взаимодействии

С осени 2007 года активно ведется реформирование социального блока Администрации Краснодарского края, предполагающее институциональные и кадровые изменения. Переформатируются и низшие уровни всей вертикали власти в регионе. Важнейшее изменение — из департамента образования и науки выделился отдельный департамент семейной политики.

Организация специального департамента, по крайней мере, в первые шесть-семь месяцев привела к неожиданному последствию. Дело в том, что до этого в институциональном пространстве все участники исходили из того, что ответственность за поле профилактики социального сиротства по отраслевому принципу распределялась между департаментами образования и науки, социальной защиты населения, здравоохранения. В случае необходимости создавались межведомственные структуры с определенным лидерством на определенный срок или под задачу. Возникновение коммуникативных лакун, неявного делегирования собственной ответственности смежникам и тому подобных проблем было принято трактовать как отсутствие полноценного единоначалия. Новый департамент семейной политики призван осуществлять искомое полноценное единоначалие.

Парадокс заключается в том, что формирование властной вертикали привело к ухудшению управляемости. Поскольку благополучие ребенка зависит от множества разнообразных факторов, многие оперативные функции не могли не остаться за смежными отраслевыми ведомствами, в частности, департаментов здравоохранения и внутренних дел. Однако в организации специального департамента «смежники» стали видеть основание для менее интенсивной координации, что затрудняет межведомственное взаимодействие, а при разрешении нестандартных ситуаций делает его вообще невозможным.

Нельзя сказать, что проблема межведомственного взаимодействия возникла только сегодня. Типичным «продуктом» многолетнего межведомственного коммуникативно-деятельного разрыва является довольно типичная ситуация с гражданами СССР, у которых на момент его распада оказались паспорта, выданные в бывших союзных республиках. Некоторые из них годами проживают с детьми на законных основаниях, имеют прописку, однако оказываются не в состоянии получить документы, без которых они не могут получить предусмотренную законом и бюджетом помощь от социальной службы, чтобы вырваться из труд-

ной, а иногда и социально опасной жизненной ситуации. Вот один из таких типичных примеров:

Еще есть одна мама, которая с паспортом старым в наличии, но она развелась в Грузии, и в свидетельстве о расторжении брака сделали ошибку в фамилии. Она не может получить паспорт, потому что требуется через суд решение, что эта фамилия действительно ее, не чья-нибудь. И она не получает ответов на запрос ни из ЗАГСа, ниоткуда. Дело встало. Суд не принимает пока никакого решения. <...> В старом паспорте прописка есть, там, где она живет. Но без нового паспорта мы детям ничего не даем — мать не может ничего получить по своему паспорту недействительному. Открыть книжку сберегательную не может, прийти на почту с таким паспортом не может. Медицинские услуги, образование они получают. <...> Живут они легально. У нее дом, от ее родителей доставшийся, с родственниками еще поделенный (Интервью 5).

Подчеркнем, что в данном примере мать-одиночка, являющаяся главой семьи, — местная и живет в доме, унаследованном от родителей (есть собственное жилье), работает, то есть не тунеядствует и не имеет пагубных привычек. Далее в интервью содержится упрек в адрес главы семьи, что она не ходит активно по инстанциям. Однако после формального завершения беседы (без диктофона) выяснилось, что хождения по инстанциям имели в прошлом длинную историю, в результате которой женщина, не обладая достаточными ресурсами для результативного обращения в суд, предпочла сосредоточиться на реальном деле — на работе, позволяющей обеспечивать двух дочерей-школьниц.

Оставить российского гражданина без паспорта может не только не отвечающая на запросы Грузия. По свидетельству эксперта, без паспорта остаться можно, даже если ты никуда не выезжаешь и живешь на одном месте со своей семьей:

А вот общежитие. <...> Стекланные блоки, из которых раньше, помните, строили остановки. Блоки полые внутри. Этим материалом отделена часть холла. В нее врезана дверь, и там живут, трое у них детей, одна уже замуж вышла, осталось двое. Вообще без комментариев. Маме <...> исполнилось 45 лет, <...> и новый паспорт ей надо получить. Она не могла получить, потому что не могла получить справку, потому что она не могла заплатить за это жилище. <...> Эта комната — кусок отгороженный... Это — то, что я своими глазами видела (Интервью 7).

В этом примере функциональным аналогом разрыва межгосударственных связей между республиками бывшего СССР стала принудительная приватизация бывших общежитий. Последовательная возмездная приватизация без учета ситуации конкретной семьи обернулась поражением в самых элементарных гражданских правах.

В обоих приведенных случаях речь идет об одиноких матерях, которые привязаны к детям, ведут активную трудовую деятельность и не имеют пагубных для семейного бюджета и здоровья привычек. Их трудная жизненная ситуация по формальным показателям давно переросла в социально-опасные условия, тем не менее, о социальном сиротстве детей здесь и речи нет, хотя помощь, оказываемая центром по формальным основаниям, вряд ли избыточна.

Здесь мы имеем пример того, как отказ в выдаче нового паспорта искусственно консервирует пребывание семьи в социально опасной ситуации. Причем эта ситуация создается вполне гласно для институционального пространства. Мать, о которой идет речь, была клиенткой социальных служб до тех пор, пока помощью ее можно было обеспечивать без документов; она более десяти лет состоит на учете и регулярно посещается социальными работниками. То есть она на виду у социальных служб, причина неблагополучия давно понятна, но сделать как бы ничего нельзя. Получается, что для разрешения подобных трудностей какое-то из ведомств непременно должно либо прямо нарушить собственные инструкции, либо отважиться на их расширительную интерпретацию.

Мы привели два наиболее явных примера. В каждом ведомстве опытные сотрудники могут раскрыть целые коллекции подобных неразрешимых ситуаций.

Менее драматично выглядят такие последствия фрагментации ответственности, которые оборачиваются недоучетом клиентов, реально нуждающихся в социальной помощи. В частности фрагментарность заключается в том, что органы социальной защиты населения имеют максимальные (по сравнению с другими ведомствами) возможности для оказания помощи нуждающимся, а наилучшая сеть сотрудников, которые выявляют неблагополучные семьи с детьми, находится в ведении образовательного ведомства: *«Эти семьи, которые группы риска, их может выявлять отдел образования. Они на детей смотрят. Они видят этих деток каждый день, а мы не видим»* (Интервью 5).

Таким образом, социальные службы могут эффективно реагировать только в том случае, если хорошо налажены межведомственные информационные каналы. Однако и тут есть нюанс: критерии семейного неблагополучия, принятые в двух ведомствах, не вполне согласованы между собой и не полностью ориентированы на возможности смежного ведомства по оказанию помощи. Например, специалист управления социальной защиты населения (СЗН) приводит пример «случайно всплывшего» случая, когда в семье оба родителя заботились о родившемся совместном ребенке и пренебрегали ребенком, оставшимся у матери от прошлого брака. Изменение семейных обстоятельств заметно отразилось на внешнем виде, поведении и развитии старшего ребенка.

Однако классный руководитель лишь отметила перемену и никак не сигнализировала о возникшей трудной ситуации:

Классный руководитель сказала: «Ну да, ну приходит, был нормальный ребенок в первом классе, а потом у него резко началось проявление ЗПР¹, его на комиссию отправили». Когда мы спрашиваем у классного руководителя: «А вы спросили у его мамы, почему такое произошло». То есть нет заинтересованности... (Интервью 4)

Момент, когда у «нормального ребеночка» началось проявление ЗПР, был замечен, однако, по мнению эксперта СЗН, педагог (классный руководитель) не проявил должного внимания и не выяснил причины произошедшей перемены. Представляется, что обвинения коллег-смежников в незаинтересованности, равнодушии, то есть в недостатке профессионально необходимых личностных качеств, часто возникают там, где межведомственные критерии не согласованы, что и создает коммуникативно-деятельный разрыв.

Внутриведомственная «профессиональная слепота»

Нераспознавание клиентов

Разделение труда между ведомствами в принципе повышает профессиональный уровень оказываемых услуг: *«Сейчас списки ежеквартально выверяются, и одна и та же семья захвачена всеми [службами], получается* (Интервью 5). При развитом профессиональном разделении труда появляется даже место для посредника, в нашем случае — социального работника, цель которого — выявить клиента, диагностировать ситуацию и направить к узкому специалисту, который и окажет нужную помощь:

Вот моя специфика: я должна обязательно контролировать, патронировать тех, кого я выявила, и со службами другими в виде посредника работать. То есть «возьмите его — сделайте ему то, возьмите его — сделайте ему это», то есть посредником выступать (Интервью 5).

Спутником профессионализации в бюрократической организации является стандартизация процедур и объектов, для оперирования с которыми разрабатываются стандартные процедуры: процедуры выявления, диагностирования, оказания помощи и так далее. В приводимой ниже цитате выражается сомнение в том, что принятые стандартные процедуры работают адекватно поставленным перед государственным учреждением задачам:

Кто обращается к нам, тех мы можем отследить. А есть те, которые живут и не обращаются. Их могут отследить школа, соседи и так далее. Но

¹ Задержка психического развития. — *Примеч. ред.*

пока они нам не скажут, мы их не видим. Необращающихся тоже достаточно. Если говорят, что цифра детей, проживающих в округе больше 60 тысяч, а у меня на учете их — 135 детей <...> 60 тыс. — это сельских семей, 135 из 60 тысяч — это же явно неправильная цифра. Она заниженная получается (Интервью 5).

Иными словами, стандартный способ категоризации клиентов — кто не обратился, тот не клиент, — не позволяет *замечать* всех нуждающихся в помощи социальных служб. «Неправильность» цифр может диагностировать только специалист, имеющий многолетний опыт работы, позволяющий проводить сравнение — раньше обращений было гораздо больше:

Раньше народ шел толпами на прием, всем нужно было пособие, были продуктовые наборы, были вещи, народ больше шел, больше шел. И потому что были такие вещи, как без документов помощь. Была спонсорская помощь, были какие-то слабые новогодние мероприятия — за подарками народ шел много. А теперь каждый раз приходят, им говорят: «документы давай», «документы давай». И последние три-четыре года народ рассеялся. Остались те, которым могут стабильно что-то предоставить (Интервью 5).

Итак, теперь клиентами социальных служб могут быть только те, кто *стабильно* может предоставлять при обращении требуемые документы. Тонкость заключается в том, что этим условиям удовлетворяют не все, кто по существу имеет право на получение документов, необходимых для получения льгот, пособий, а только те, для кого процесс регулярного их получения не связан с чрезмерными издержками. О том, что издержки на получение документов могут специально завышаться чисто организационными методами, говорить не принято. Несмотря на достаточно открытость эксперта, мы не стали задавать прямые вопросы на эту тему, поскольку ответы на них известны из других подобных исследований.

Вместе с тем есть осознание, что официально принятые критерии семейного неблагополучия не гарантируют охват всех семей, которые по существу относятся к группе риска социального сиротства. В частности, оперирование экономическими критериями благополучия не позволяет распознать семьи, которым свойственно психическое неблагополучие при материальном достатке:

Есть наглядный пример: мать-одиночка зарабатывает постоянно деньги, постоянно занята <...> у них отношения такие, что они называют друг друга по именам. Она сына по имени, он ее по имени. И она ему все разрешает... Это уже крайние методы воспитания, чтобы его полностью забросить, предоставлять ему материально, а внимание он тоже не получает <...> Да, вполне обеспеченный ребенок (Интервью 3).

Далее эксперт привел психосоциальные основания, почему не всякую материально обеспеченную семью можно считать благополучной по психологическим параметрам. Отметим, что в интервью приводились примеры и материально достаточных полных семей, которым не доставало психологического благополучия.

Самоограничения профессиональными функциями

Аккуратное следование должностным инструкциям может служить надежной защитой в активном поддержании коммуникативно-деятельного разрыва. Для иллюстрации приведем фрагмент интервью с практикующим врачом, занимающим административный пост в родильном доме. Интервьюер задал самый общий вопрос о проблеме отказных детей, и поначалу можно было подумать, что ссылка на границы профессиональных компетенций является лишь благовидным способом уйти от разговора на не вполне открытую тему с новым человеком:

Я — не социальный работник, я не могу в целом оценивать состояние в городе. Я медицинский работник. Наша задача — это помощь в родах, мы медицинское учреждение и все, что касается вопросов опекунов, опеки оно как бы находится не в нашем ведении, мы не занимаемся этими вопросами. Только потому, что у нас контингент совершенно разный и женщины в большинстве своем, отказывающиеся от своих детей, попадают к нам в поле зрения, я могу говорить про эту проблему, а анализировать ситуацию в городе не могу, не готов и никогда не ставил перед собой такой задачи (Интервью 11).

В данном случае занимающий административный пост врач отказывается оценивать ситуацию, ссылаясь на то, что он не социальный работник. «Анализировать ситуацию в городе не могу и никогда не ставил перед собой такой задачи» — звучит убедительно. Есть только одно «но» — это врач, который заведует подразделением, через которое проходит большинство рожениц, отказывающихся от детей. Об этом доктор прямо и говорит: «женщины в большинстве своем, отказывающиеся от своих детей, попадают к нам в поле зрения».

После некоторой настойчивости интервьюера этот эксперт переложил ответственность за аналитический взгляд на вышестоящие инстанции, сославшись на то, что «*обратной связи никакой нет*» (Интервью 11). Однако согласно данным других интервью, не совсем верно, поскольку цифры регулярно озвучиваются на всевозможных совещаниях и планерках. Продолжая настаивать на своей некомпетентности, эксперт, в конце концов, отчетливо сформулировал свое кредо «профессионального» самоограничения:

Я еще раз говорю, мы не социальные работники, мне глубоко все равно, у нас рожают королева Англии или привезенная с вокзала

женщина без определенного места жительства. Моя задача — чтобы она живая и здоровая ушла отсюда своими ногами. Мы для этого созданы, мы служба родовспоможения, медицинское учреждение, понятно? Оказали медицинскую помощь, дальше что этот человек будет делать, как он будет делать — это уже его проблемы, он приходит, говорит: «Я отказываюсь, я ничего не хочу, до свидания» (Интервью 11).

В этой фразе особенно примечателен переход от этического принципа равного отношения к пациенту независимо от его социального и морального статуса (все равно, королева или бомж) к откровенной фрагментации ответственности: «Оказали медицинскую помощь, дальше что этот человек будет делать, как он будет делать — это уже его проблемы».

Разумеется, позитивный аспект профессионального самоограничения едва ли стоит подвергать сомнению. Однако в контексте интервью, которое проходило открыто и в рамках социально одобряемого тематического проекта, замыкание в узко профессиональной роли порождает тот же дефицит в *ролевом* социальном взаимодействии, что и у карикатурного отца семейства, который все, что не входит в узко понимаемый репертуар роли добытчика, считает не «своим собачьим делом». Ведь врачу в ходе интервью не предлагалось *заниматься профилактикой*; от него ожидали получить *видение* проблемы, как она представляется из роли *врача*.

Коммуникативно-деятельные разрывы в частных институциональных средах

Макро- и мезоуровневые перспективы предполагают нахождение социально-структурных и / или институциональных факторов, которые повышают шансы наступления деморализации и социально-психологического распада большого количества семей как предвестников социального сиротства. В этой логике личный опыт наблюдателя либо ментально обобщается и до соответствующего уровня, либо особенности наблюдаемых объектов (семей) служат не более чем иллюстрацией к заранее выбранной позиции, как это, например, имело место в одном из взятых интервью:

[Повышенный процент группы риска безнадзорности] зависит еще от общего материального положения данного района. Вот наш район считается бедным, не богатым. <...> Есть повышенный уровень опасности (Интервью 7).

В приводимом фрагменте интервью попытка перевести разговор в термины индивидуальных стратегий совладания с ситуацией — мол,

да, живут, бедно, но, быть может, есть какие-то способы... — успеха не возымела:

Мы сейчас с вами пойдем туда, я вам экскурсию сделаю. Недавно ходили на патронаж. <...> Я, честно говоря, потом дня два отходила от этого посещения. Вот буквально здесь — 15 минут ходьбы. <...> Вы просто не видели, что там. Я даже не думала, что у нас на таком уровне люди живут. <...> Я поняла, что там просто многие возникают проблемы от безнадёги, безысходности. Там действительно, я постояла, я сама потерялась..., там такая... трущобы самые настоящие. Все старушки непонятного вида. На голове сохнет у них белье, фанерные двери, домики... (Интервью 7).

«Безнадёга» и «безысходность», по мысли эксперта, происходят от «общего материального положения городской территории преимущественно с частной застройкой, которая в течение нескольких лет постепенно превращалась в настоящие трущобы. Суровое бытие сурово детерминирует сознание: безысходность разрушает общественные, а потом и социальные связи. Предположительно, чтобы всему району вырваться из засасывающего бедностью круга детерминации, нужны материальные и нематериальные ресурсы¹, которых у социальных служб нет по уставу. В таких условиях единственная функционально оправданная *raison d'état* социальных служб — персональная селекция тех, которым на располагаемые средства можно дать старт для восходящей социальной мобильности. Здесь и происходит переключение внимания на микроуровень социальных взаимодействий.

Именно на этом уровне обнаруживается, что в разных семьях, занимающих сходные социально-структурные позиции, могут наблюдаться и реально наблюдаются различные реакции на ситуацию. Выбор этой перспективы позволяет проектировать деятельность, которая персонально, адресно направлена на формирование, поддержание и развитие личностных ресурсов, необходимых для взаимной семейной социализации, для поддержания продуктивности внутрисемейных отношений.

Далее мы продемонстрируем, как некоторые симптомы риска детской безнадзорности рефлексировались сотрудниками социальных агентств, работающих в сфере социального сиротства. Как представляется, за этими симптомами стоят коммуникативно-деятельные разрывы в приватной среде института семьи.

¹ Довольно обширная литература развенчивает утопичность множества реформаторских (филантропических) проектов по «нормализации» трущоб и преобразению их жителей в добропорядочных граждан, (не-)реализованных, в том числе, в XX веке (см., например, [Ward, 1984]). Суть ответной критики часто сводится к тому, что за (воображаемую) утопичность реформ не следует прятать неумелость (в том числе, преднамеренную) в реализации проектов [Воупе, 2003].

Нет семьи, а есть «7 я»

Психологическая дезинтеграция семьи фактически приводит к социальному сиротству. При этом семья может быть *фактически* полной и по количественным и качественным критериям социальных служб вполне благополучной, *дейтельно, или действительно* оказываясь «суммой нескольких людей»:

Есть папа, который работает, который пришел усталый, покричал на детей. Есть мама, которая либо работает, либо сидит дома с младшим ребенком. И есть ребенок, который в итоге попадает ни туда, ни сюда. <...> Если на рисунок семейный смотреть <...> то часто бывает разрозненная картинка. Там один, там другой, там третий стоит. И каждый своим делом [занят], а взаимодействия ключевого в семье не прослеживается (Интервью 3).

Особые проблемы субъектного взаимодействия стоят в многодетных семьях, которые живут скудно, что может обострять конкуренцию за разнообразные ресурсы:

У них как правило разброд, шатания в семье, в особенности в 12-метровой комнате. Это неизбежно абсолютно, по вещам друг у друга прыгают. Задача — как сплотить эту всю семью, научить их решать проблемы. <...> Да, плюс обязательно идет борьба за лидерство, любовь к маме, отношения свои (Интервью 7).

Таким образом, можно видеть два в чем-то полярных случаях семейной дезинтеграции. В первом случае коммуникативный разрыв происходит от недостатка взаимодействия друг с другом, во втором — от избытка и неумения сохранять интеграцию при распределении слишком скудных ресурсов.

Ощущение ненужности у ребенка

Чтобы у ребенка возникло ощущение собственной ненужности, не требуется чьей-то специальной злонамеренности. В среде практиков довольно распространено представление о некомпетентности родителей в психологии подростка:

многие не знают вообще просто об особенностях физиологических, возрастных ребенка. Вот ему 12 лет, что в 12 лет вообще происходит с ребенком, как там у него организм развивается, созревает, и какие у него изменения в голове происходят. <...> И это объясняется родителями, и <...> он принимает тогда ребенка (Интервью 8).

Непонимание и непринятие ребенка родителями порождает у него ощущение собственной «никому ненужности» и компенсаторные реакции — например, уход из дома, конфликты, — которые окружающие редко воспринимают благожелательно:

Родители этих тонкостей не понимали. Они все втроем стояли, бабушка, мама и отчим, и отмечали только отрицательные стороны: «Да он такой! Да он что хочет, то с нами и делает!». Ребенок просто кричит криком своей души: «Обратите на меня внимание, уделите мне тепло, ласку, материнскую заботу». Это говорит о родительской неграмотности (Интервью 4).

Диагноз родительской неграмотности может ставиться на основании того, насколько (не-)логично описывает родитель свою собственную позицию в непростых детско-родительских отношениях:

Вот вчера мама говорит: «Вы не лишите меня родительских прав. Но с ребенком я сделать ничего не могу и не буду!». Понимаете, получается, сама себе противоречит. А почему? А потому что между двумя этими противоречащими высказываниями огромная пропасть — она не знает, как ей действовать (Интервью 4).

В данном случае специалист говорит об отсутствии специальных знаний, о неграмотности, которая мешает уделить «тепло, ласку, материнскую заботу», которые ребенок неумело, неуклюже, неадекватно требует к себе. Речь идет скорее не об отсутствии специальных знаний, а о дефиците взаимопонимания между ребенком и взрослыми в ситуации, которая для всех имеет большую эмоциональную значимость. Именно в ситуациях, когда стороны находятся в близких отношениях и на самом деле не собираются отказываться друг от друга, но и не могут найти взаимопонимания, возникают нелогичные интерпретации поведения друг друга и всей ситуации. Часто в таких ситуациях без помощи специалиста именно близким людям бывает трудно внимательно прислушаться друг к другу, чтобы сохранить все возможное богатство взаимоотношений — устранить коммуникативно-деятельные разрывы.

Ненужность ребенка специалисты диагностируют в случаях, когда у родителей появляются какие-то иные приоритеты, приковывающие внимание родителей. В качестве такого приоритета необязательно выступает родившийся ребенок в новом браке. Вот, например, взгляд на риски социального сиротства психолога, консультирующего женщин:

Когда женщина приходит решать вопрос непосредственно со своим мужем, разбирается, она часто приоритеты жизненные расставляет, наверно, неправильно. Дети уходят на второй план, иногда на самый последний. <...> Она борется за мужчину, за состояние, свое спокойствие, и дети уходят как-то... либо они становятся средством удерживать мужчину, то есть они вроде становятся на первый план, на самом деле она не о них думает. Она думает о том, чтобы сохранить отношения с мужем (Интервью 6).

Женщина-мать неправильно расставляет приоритеты; главное ребенка могут быть: муж (мужчина), гражданское состояние, спокойствие.

Обратим внимание, что здесь не говорится ни об одном из записных социальных факторов сиротства, поскольку психолог видит задачу в корректировке ролевого репертуара замужней женщины-матери, то есть в перераспределении ее внимания.

Принципиально важный момент — не всякое родительское внимание идет в зачет профилактики социального сиротства (при живых и даже благополучных родителях). Концентрация в семье (как и в учреждении) исключительно на материальной стороне жизнеобеспечения не дает ребенку различных и понятных стимулов для личностного и социального развития.

Родители или работают, или пьют, или ссорятся. И с ребенком, сесть, просто поговорить, даже обсудить эту же сказку, а это тема для разговора. Просто сесть, поговорить, с восьмилетним консультацию проводить, о жизни разговаривать. Сказка дает основу для разговора. И потом, они себя ассоциируют с этими героями. А они очень довольны <...> что ты индивидуально ему внимание уделяешь. <...> В школе вместе со всеми, в доме вместе со всеми, уроки они учат — он в компании, а тут — вот я, в твоём распоряжении (Интервью 7).

Если личностно ориентированная беседа на понятном ребенку языке, действительно, как говорит специалист, достигает цели и оказывает коррекционное воздействие, значит, мы действительно имеем дело с коммуникативным разрывом, порожденным невниманием или занятостью родителей. При этом причины, порождающие дефицит внимания, могут быть, так сказать, и уважительными, и неуважительными; для возникновения дефицита нет разницы: «родители работают, пьют, или ссорятся».

Пассивное потребление: непродуктивная асимметрия притязаний

В традиционном обществе, в котором не развито профессиональное разделение труда и в котором просто нет особых специалистов, ответственных за воспитание детей и их психологическое благополучие, считается, что родитель несет полную ответственность за все аспекты благополучия ребенка. С развитием социальной сферы у родителей постепенно расширяются возможности делегировать часть своей ответственности профессиональным экспертам: вначале медикам и специалистам в области образования, — а затем ряды экспертов умножаются, вместе с расширением и специализацией сфер их профессиональной компетенции.

Этот процесс, как считают сами эксперты, иногда заходит так далеко, что родители уже готовы уклониться от всякой ответственности и переложить ее (или ее часть) на учреждения и экспертов:

Потребительское отношение к жизни у людей. К нам приходят в центр: вы нам должны. Не мы должны что-то изменить, сделать, а вы нам должны. И к государству такая позиция, что вы должны нам помочь. Мы такие несчастные, бедные. И в этом виноваты не мы, а вы нам должны помочь, потому что мы такие (Интервью 3).

Вообще, среди психологов, консультирующих семьи, широко распространено представление о том, что определенная часть родителей склонны перекладывать ответственность за общение с детьми и за собственное личностное развитие на консультанта:

Часто, я понимаю, что женщина приходит, и, переступая порог кабинета: «Все, делайте со мной что хотите, я уже пришла к вам». Не понимает, что работа над собой только начинается. Приходится ее как-то на это настраивать, что это — пассивная роль, что не психолог ваяет (Интервью 6, 235–238).

Возможно, психологи, чьи наблюдения за клиентами зачастую не выходят за «порог» консультационного кабинета, чересчур охотно готовы подмечать пассивность родителей. Это может касаться, в частности, тех клиентов, которые видят в кабинете психолога-консультанта не столько место работы над собой, сколько место, где можно отвести душу и / или поплакаться в жилетку. Однако в той мере, в какой оценка консультанта может быть адекватной, коммуникативно-деятельный разрыв может реализовываться не только во взаимоотношении личности со своим социальным окружением, но и на уровне внутриличностной коммуникации.

Трудности самоопределения

Риск безнадзорности проявляется в трудности ребенка в самоидентификации — в выстраивании образа Я и размещении его в окружающем мире: «*[Безнадзорные] дети — которые не знают, чего хотят, не знают чего им нужно, это такая ситуация неопределенности и недопонимания, где, что, как, зачем, к чему* (Интервью 3). По свидетельству эксперта, дети из многодетных и неполных семей — формальный критерий неблагополучия — совсем не обязательно испытывают трудности в самоидентификации: «*Пусть даже много детей, пусть мамы или папы нету, но его любят в семье, внимание какое-то уделяется, то ребенок этот уже знает: я хочу то-то, я хочу этим быть, я хочу этим заниматься*» (Интервью 3). Иначе обстоит дело с теми, кто не видит себя в социальном пространстве:

Для всех характерна неопределенность, нежелание что-то делать, такая бездеятельность. «А что ты хочешь делать?» — «Да ничего». «А чем ты любишь заниматься?» — Только в компьютер рубятся. <...> Такая линия очень четкая прослеживается похожести <...>: он не знает, что

хочет, ему мало что интересно в жизни, и он в принципе такой неопределенный сидит (Интервью 3).

Отсутствие внимания, любви со стороны значимых других порождает трудности в идентификации, что и приводит к трудностям самоопределения, по крайней мере, позитивного самоопределения. Неопределенность внутренняя порождает внешнюю агрессию:

Потом у них тревожность, у некоторых агрессивность. <...> когда он в неопределенности находится, <...> [то] через какие-то агрессивные вещи ребенок [пытается] показать, что я вроде бы такой-такой. А начинаешь копать, понимаешь, что он боится и тревожится по поводу много чего. Что его не принимают, не принимает общество, не принимают сверстники. Потом смотришь, ага, его и мама не принимает, потому что мама еще одного родила, либо еще второго родила и так до бесконечности (Интервью 3).

Собственно здесь, похоже, применима схема классического интеракционизма: агрессивность — следствие неопределенности и неприятия, которые происходят одновременно и снаружи, и внутри. Попробуй быть определенным снаружи, если ты не определился внутри. Окружающие ребенка не принимают, потому что он сам внутри не определен. Они не могут распознать в нем какие-то качества.

Таким образом, для позитивной реакции безнадзорному ребенку предстоит преодолеть деятельно-коммуникативный разрыв, образовавшийся и в его взаимодействии с приватным окружением, и в принятии самого себя, то есть в автокоммуникации. Это под силу не каждому.

* * *

Итак, в сфере институциональной заботы мы обнаруживаем *противоречие между бюрократической (конвейерной) организацией попечения и профилактики и целостной природой семейного воспитания*. Люди, пекущиеся в государственной системе о детях, какими бы человеческими установками и душевными качествами они не обладали, остаются чиновниками, а высшая доблесть чиновника — строгое следование инструкции в рамках своей ограниченной компетенции. Вместе с тем оказывается, что и сфера семейного воспитания отнюдь не свободна от деятельно-коммуникативных разрывов и самоограничительной фрагментации ответственности.

Однако как бы глубоко не входили в нашу жизнь рационализация и коммодификация, наступление каких бы «постэпохальных» событий ни различали увлеченные теоретики, — по старинке, психологическое благополучие ребенка, его общее доверие к миру, способность к успешной социализации зависят от ощущения базовой безопасности, которое

не может появиться в условиях, когда все окружающие взрослые несут лишь фрагментарную, внешне определяемую ответственность.

Список полевых данных

Интервью 3. Женщина, психолог центра социальной помощи семье и детям, 24 года, Краснодарский край, 2008.

Интервью 4. Женщина, заведующая отделом районного управления СЗН, 39 лет, Краснодарский край, 2008.

Интервью 5. Женщина, главный специалист окружного управления СЗН, 26 лет, Краснодарский край, 2008.

Интервью 6. Женщина, психолог женского отделения, 26 лет, Краснодарский край, 2008.

Интервью 7. Женщина, психолог центра социальной помощи семье и детям, 40 лет, Краснодарский край, 2008.

Интервью 8. Женщина, психолог центра социальной помощи семье и детям, 23 года, Краснодарский край, 2008.

Интервью 11. Мужчина, заведующий отделением районного роддома, 37 лет, Краснодарский край, 2008.

Список литературы

Астоянц М. С. Дети-сироты в России: социокультурная обусловленность личностных характеристик ребенка в условиях депривации // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 58–88.

Астоянц М. С. Мир сиротства в советской и постсоветской России. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007.

Журавлева Л. А. Факторы и условия наркотизации молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 43–48.

Крэйп У. Теории развития. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Ловцова Н. И. «Я для себя поставила рамки, чтобы не любить...»: Анализ практик фостерного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Социология и социальная политика. 2005. № 4. С. 28–45.

Масловский М. В. Политическая социология бюрократии. М.: Ин-т социологии РАН, 1997.

Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.

Социальный приют для детей и подростков: содержание и организация деятельности: Научно-методическое пособие для работников социальных приютов / Под ред. Г. М. Ивашенко. М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1997.

Boyne G. A. Sources of Public Service Improvement: A Critical Review and Research Agenda // Journal of Public Administration Research and Theory. 2003. Vol. 13. P. 367–394.

Tribe K. Cameralism and the Science of Government // Journal of Modern History. 1984. Vol. 56. № 2. P. 263–284.

Wakefield A. Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Ward D. The Progressives and the Urban Question: British and American Responses to the Inner City Slums 1880–1920 // Transactions of the Institute of British Geographers: New Series. 1984. Vol. 9. № 3. P. 299–314.

Олег Алексеевич Оберемко

канд. социол. наук, ст. научный сотрудник Института социологии РАН,
директор Независимого аналитического центра «Социум-регион», Краснодар
электронная почта: ooberemko@yandex.ru
